

ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ
В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ
И В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

А. А. Гируцкий

В статье рассматривается соотношение имени и реальности в истории культуры и науки и в современном языкознании. Характеризуются современные философские, естественно-научные и физико-математические подходы к этой проблеме. Отмечена особая роль личного имени в отношениях имен с реальностью. Представлены топологическая модель структуры слова и ее основные свойства. Предлагается проект «Матрица Абсолюта».

The article deals with the relationship between name and reality in the history of culture and science and modern linguistics. The modern philosophical, natural scientific and physical and mathematical points of view on this problem are characterized. A special role of a personal name in relationship between names and reality is denoted. The topological model of a word structure and its main properties are presented. The project of «The Matrix of the Absolute» is proposed.

Проблема соотношения имени и реальности является одной из древнейших в культуре, философии, науке. Она проходит через всю их историю, сохранив актуальность до наших дней. Истоки культуры, философии, науки ученые находят в языке. Так, известный польский языковед Я. Розвадовский утверждал, что задолго до появления каких бы то ни было «наук», а также «религий» и «искусств» у человека в его собственной повседневной жизни уже были элементы и предпосылки всего этого, воплощенные в фактах языка. Вместе с проявлениями человеческой жизни развивалось все, что называется наукой и философией, религией и поэзией. Все они берут начало из того, что уже существовало раньше в соответствующих понятиях языка. Мысль о первичности языка по отношению к культуре и науке становится еще более очевидной, если учесть, что древнейшие проявления культуры – мифы, сказания и легенды – отводят Слову созидающую роль: посредством его творится сам мир и человек.

В сжатом виде приведем несколько примеров из мифологических и религиозных представлений о Слове как творящем начале и основе мироздания: египетский Мемфисский богословский трактат: Логос-Слово созидает мир; священные книги древнеегипетского Бога Тота: мысль есть Бог-Отец, Слово – его Сын, создающие в единении жизнь; космологические представления африканского племени догонов: мир создан Богом Амма из его имени; Библия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»; иранская Авеста о центральном месте имени Бога Ахурамазды в мироздании и др.

«Духовная» концепция соотношения языка и реальности, в которой язык творит реальность и соответствует ей, из наивных представлений о мире переходит затем в древнейшую культуру, а из нее – в философию и логику как области научного знания. В античности возникает теория именования, основу которой составляет проблема соотношения имени и предмета. Идеи античной теории именования получают свое развитие в эпоху Средневековья. Для средневековой философии доминирующей является идея о том, что «вещи зримые суть явленные образы вещей незримых» (Ареопагит), а в качестве прообразов для творимых вещей выступают идеи «слова ума». В XVII в. создатели «Всеобщей рациональной грамматики» считали, что «дух других людей благодаря способности к слову», не проникая в наше сознание, «может постичь все наши помыслы и все разнообразные движения нашей души». В языкознании XIX в. «духовная» концепция соотношения языка и реальности наиболее ярко воплотилась в учении В. фон Гумбольдта, выдвинувшего тезис о языке как энергии и деятельности духа. Методологической основой «духовной» концепции языка Гумбольдта выступили учения Г. Гегеля, Ф. Шеллинга и ряда других философов о духе как первооснове всего сущего и источнике развития мировой истории.

Позднейшая философия и лингвистика не оставляют вниманием эту проблему. В философии XX в. тема имени (шире – языка), его сущности, его соотношения с вещью в том или ином виде представлена у Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, К. Ясперса и других зарубежных ученых. Афористично трактовка этой темы формулируется М. Хайдеггером: «Язык есть дом бытия». Философия имени является важнейшей в работах русских философов-космистов П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, которые путь в разрешении философских проблем, проблем бытия искали в естественном языке, в раскрытии его соотношения с реальностью. А. Ф. Лосев считал, что «проблема вещи и отношения ее к имени есть труднейшая проблема в философии вообще, и, кроме того, это – одна из основных ее проблем» [Лосев, 1993: 811]. Для работ этих ученых характерно понимание имени (слова) как энергетической и космической сущности. С. Н. Булгаков: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир...» [Булгаков, 1999: 26]. В лингвистике нового времени ведущей становится мысль о структурном сходстве языка и действительности. Так, известный датский лингвист Л. Ельмслев в одной из своих работ подчеркивает, что «структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное отражение ее» [Ельмслев, 1960: 267].

Особый философский смысл имеет проблема личного имени. В онтологическом плане эта проблема рассматривается уже в мифологии и религиозных учениях. Например, в православии существует религиозно-философская доктрина «имяславие», связанная с энергиями и сущностью имени Бога. Онтологический смысл личного имени рассматривается в ряде философских работ (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев и др.). Однако личное имя несет в себе особое не только онтологическое, но и культурно-духовное и социальное содержание.

Как одна из универсалий культуры личное имя выполняет функцию хранения и передачи традиций, истории, культуры народа. В именах, по словам А. Ф. Лосева, все наше культурное богатство, накопленное в течение веков. Культурно значимые имена не исчезают бесследно из памяти народа, сохраняя историческую память о связи времен, масштабности деяний его лучших представителей. Ключевые имена культуры присутствуют в сознании народа как вехи, символы его достижений, героической истории, знаки национальной культуры. Исследование таких имен позволяет выявить имена, значимые, актуальные для современного политического и духовно-культурного развития общества, направленно формировать национальное самосознание.

До недавнего времени принято было считать, что проблема языка играет в естественных и физико-математических науках подчиненную роль. Однако с развитием квантовой механики, когда произошел пересмотр оснований физики, отношение к проблеме языка принципиально изменилось. В современной науке актуальным остается требование полной ясности в изложении теории и неизбежная неточность и недостаточность понятий для выражения ее полного содержания. Язык математики не решает всех проблем, поскольку, с одной стороны, требует окончательной смысловой интерпретации полученных результатов с помощью естественного языка, а с другой – остается неясным, насколько математический язык применим ко всем явлениям. Крупнейший физик XX в., лауреат Нобелевской премии В. Гейзенберг по этому поводу замечает: «Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках «понять», может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей. В атомной физике мы используем весьма развитой математический язык, удовлетворяющий всем требованиям ясности и точности... Было бы, однако, слишком преждевременным требовать, чтобы во избежание трудностей мы ограничились математическим языком. Это не выход, так как мы не знаем, насколько математический язык применим к явлениям. Наука тоже вынуждена в конце концов положиться на ес-

естественный язык, ибо это единственный язык, способный дать нам уверенность, что мы действительно постигаем явления» [Гейзенберг, 1987: 121].

Здесь возникает языковой парадокс: с одной стороны, язык математики позволяет наиболее точно, однозначно и непротиворечиво описывать разные явления, а с другой – чтобы понять окончательный смысл полученных результатов, необходимо прибегать к природному языку с его менее строгим понятийно-формальным аппаратом.

В. Гейзенберг, говоря об этом парадоксе, отмечает, что в атомной физике пользуются разными способами описания, исключаящими, но также и дополняющими друг друга, адекватное же описание процесса достигается в конечном счете только игрой различных образов. Физик, когда говорит о событиях в мире атомов, «нередко довольствуется неточным метафорическим языком и, подобно поэту, стремится с помощью образов и сравнений подтолкнуть ум слушателя в желательном направлении, а не заставить его с помощью однозначной формулировки точно следовать определенному направлению мысли» [Гейзенберг, 1987: 218].

Энергетическая и информационная «вплетенность» естественного языка в саму реальность находит свое подтверждение в биологии, в исследованиях, посвященных структурному изоморфизму генетического кода и естественного языка. Биологический взгляд на язык как естественный организм возник еще в XIX в. (А. Шлейхер, М. Рапп, В. Уитни и др.) – натуралистическое направление в языкознании. В новейшее время проблема структурного сходства генетического кода и естественного языка возникает в научном пространстве едва ли не более чем через десятилетие после открытия генетического кода. Из биологов одним из первых к ней обращается лауреат Нобелевской премии французский биолог-генетик Ф. Жакоб, а из лингвистов – Р. О. Якобсон. Свое дальнейшее развитие эта проблема получает в работах других биологов и лингвистов – В. А. Ратнера, Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова и др. В дальнейшем к исследованию генетического кода подключаются физики, математики, представители других областей знаний. Возникают матричная генетика, инженерная генетика, медицинская генетика, компьютерная генетика и другие направления, в которых создаются свои модели генетического кода и его сходства с другими системами. Развивается биополевая модель Гурвича–Любищева–Казначеева. Разрабатывается так называемая ГБВ-модель, или модель образно-волнового генома Гаряева–Березина–Васильева. В ней геном высших организмов рассматривается как биологографический компьютер, формирующий пространственно-временную структуру биосистем.

Новую актуальность эта проблема получила в связи с попытками создания искусственного интеллекта, биороботов, развитием нанотехнологий.

В большинстве этих направлений в той или иной степени затрагивается и вопрос структурного изоморфизма естественного языка и генетического кода.

Несмотря на накопленный богатый материал о структурном изоморфизме генетического кода и естественного языка, оставалось неясным, как не противоречиво объяснить этот феномен и объединить все в единую схему.

«Каким образом, — пишет Р. О. Якобсон, — следует интерпретировать все эти бросающиеся в глаза соответствия между генетическим кодом, который «в своей основе является единым для всех организмов» <...> и базисной моделью, лежащей в основе вербальных кодов всех человеческих языков и, *nota bene*, не имеющей аналогий среди любых семиотических систем, кроме естественного языка. Вопрос об этих изоморфных чертах становится особенно поучительным, если мы примем во внимание тот факт, что они не имеют параллелей ни в одной из систем коммуникации животных» [Якобсон, 1985: 400].

В современной фундаментальной математике и физике единых теорий является общепринятым представление о том, что в основе мироздания должна лежать геометрическая фигура. Один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии, австрийский физик-теоретик Э. Шредингер пишет: «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и ее динамических взаимодействиях базируется на понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделенный определенной внутренней геометрической структурой, структурой, которая подчинена определенным, присутствующим ей чисто геометрическим законам, должен представлять собой адекватную модель или картину «окружающего нас реального мира в пространстве и времени» со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, — картину всех событий, разыгрывающихся в нем» [Шредингер, 1986: 10]. Понятно, что подобная геометрическая модель может быть лишь чистой формой, абстракцией, идеальным построением, отвлеченным от форм изучаемых физических объектов. Однако к этой модели должны быть приложимы фундаментальные физико-математические, естественно-научные и гуманитарные законы об устройстве микромира, человека и Вселенной.

Поиски лингвистикой единой внутренней структуры языка оказались тесно связанными с главной тенденцией современной фундаментальной науки — поиском непротиворечивой основы мироздания в виде геометрического образа и созданием на этой базе общей теории науки. Попытки

построения такой грандиозной объединяющей теории привели многих ученых к мысли, что это, по-видимому, невозможно в рамках стандартной системы идей: что здесь требуется привлечение новых представлений и методов.

Главная тенденция современной фундаментальной науки поставила общую теорию языка перед необходимостью представления внутренней структуры языка в виде геометрической модели.

Важной предпосылкой для получения такой модели явилось учение Аристотеля о чистой форме как одной из реальностей бытия. Свое воплощение это учение находит в современной математике, в таком ее разделе, как топология. Топология изучает наиболее общие свойства геометрических фигур, остающиеся неизменными при любых преобразованиях этих фигур. И в этом смысле язык как сущность может иметь одну общую форму, независимую от национальных форм различных языков. Р. О. Якобсон, для которого, как известно, центральным понятием лингвистики был инвариант, считал, что наиболее адекватное представление это понятие находит в топологии.

Центральным принципом в получении такой «чистой» (топологической) формы явился принцип структурного изоморфизма. Этот принцип характеризует соответствия между структурами объектов. Две структуры, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой структуры соответствует лишь один элемент второй и каждой связи в одной структуре соответствует связь в другой, и обратно. Такое взаимоднозначное соответствие называется изоморфизмом. Он может быть полным лишь между идеализированными, абстрактными объектами. Изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными свойствами и отношениями сравниваемых объектов, которые в других своих отношениях и свойствах могут отличаться.

Такой топологический образ был получен нами в виде додекаэдра (двенадцатигранника, рисунок 1). В полученной модели соблюдены все заданные начальные условия, включающие как фундаментальные структурные свойства слова, его элементы и их отношения, так и геометрические законы для построения подобных структур. Она удовлетворяет требованиям поворотной, зеркальной и моноклинной симметрий. Можно выделить по крайней мере четыре пары топологических свойств полученной модели: континуальность и дискретность, симметричность и асимметричность, комплементарность и зеркальность, горизонтальность и вертикальность. Эти свойства должны сохраняться в любых объектах, вовлеченных в круг исследования, независимо от их физического облика. Следует подчеркнуть, что набор топологических свойств может быть увеличен как при дальнейшем

описании данной простейшей модели слова, так и при ее усложнении, за-
 полнении пропусков в структуре. Ценность полученной модели и выявлен-
 ных топологических свойств будет тем выше, чем большее число объектов
 и явлений можно будет описать с их помощью.

Структура слова (слово-словоформа)

Рисунок 1 – Топо-
 логическая модель
 структуры слова

Геометрический образ «слово-словоформа» по своей сущности являет-
 ся идеальным объектом, чистой сущностью, но это реальный объект,
 поскольку он представляет собой структурированную реальность сознания.
 Элементы верхней пирамиды структурируют понятия, нижней – образы.
 Топологическая модель слова дает возможность впервые получить пред-
 ставление о структуре сознания.

Полученная геометрическая структура позволила синтезировать дан-
 ные философии, целого ряда конкретных наук и культуры в одной научной
 парадигме, что является одной из предпосылок дальнейшего исследования
 на общей основе структурных феноменов, вовлечения в их круг других

объектов. Топологический образ слова (имени) объединяет в одной модели макромир (фундаментальные физические силы), человека (включая его сознание, мышление, мозг, язык и генетический код) и макромир (Абсолют, космические системы – планетарные, звездные, галактические). Сегодняшняя наука не располагает другим геометрическим образом, обладающим такой же огромной объясняющей силой для фундаментальных явлений действительности, как представленная геометрическая модель слова. Эта модель представляет собой матрицу имени Абсолюта, с помощью которой он создает мир и управляет им [Гируцкий, 1913: 19–20].

Крупнейшие физики XX века – А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, Н. Бор и др. – считали, что если удастся проникнуть в сокровенные глубины материи, то окажется, что там она превращается в энергию. Само же возникновение и существование Вселенной, по их предположениям, обязано полю более тонкому, чем энергия, полю более похожему на информацию или сознание. Таким полем для нас выступает сознание Абсолюта, заключенное в матрицу его имени.

Если считать, что два совпадения – это тенденция, три совпадения – закономерность, то в данном случае можно говорить об открытом законе, поскольку в матрице насчитывается тринадцать совпадений. В законченном виде матрица Абсолюта может быть представлена следующим рисунком (рисунок 2).

Выявленный структурный изоморфизм объектов допускает существование у них таких фундаментальных свойств, которые могут в каких-то своих частях точно описываться математическим аппаратом.

Современное представление об общей культуре человека вместе с гуманитарными ценностями включает в себя владение им определенным естественно-научным и математическим знанием. Как отмечают математики, их наука не отличается от других форм культурной деятельности. Образованные люди должны иметь представление о некоторых математических структурах, уметь строить непротиворечивые классификации, отделять существенные признаки от несущественных, как это делается в аксиоматических теориях [Еровенко, 2006: 5].

Точность математики как науки послужила в свое время основной причиной математизации гуманитарного знания. Однако вслед за этапом, на котором математика исполняла роль «королевы наук», наступил этап сближения, на котором математика выступает на службе остальных наук, создавая для гуманитарных наук особый логический аппарат.

По мнению Р. Г. Пиотровского, необходимость в создании такого аппарата объясняется тем, что традиционный математический аппарат был первоначально предназначен для описания «жестких» и сравнительно простых

систем неживой природы. В силу этого он оказывается недостаточно адекватным при моделировании сложных гуманитарных систем, имеющих полиморфную структуру [Пиотровский, 1977: 359].

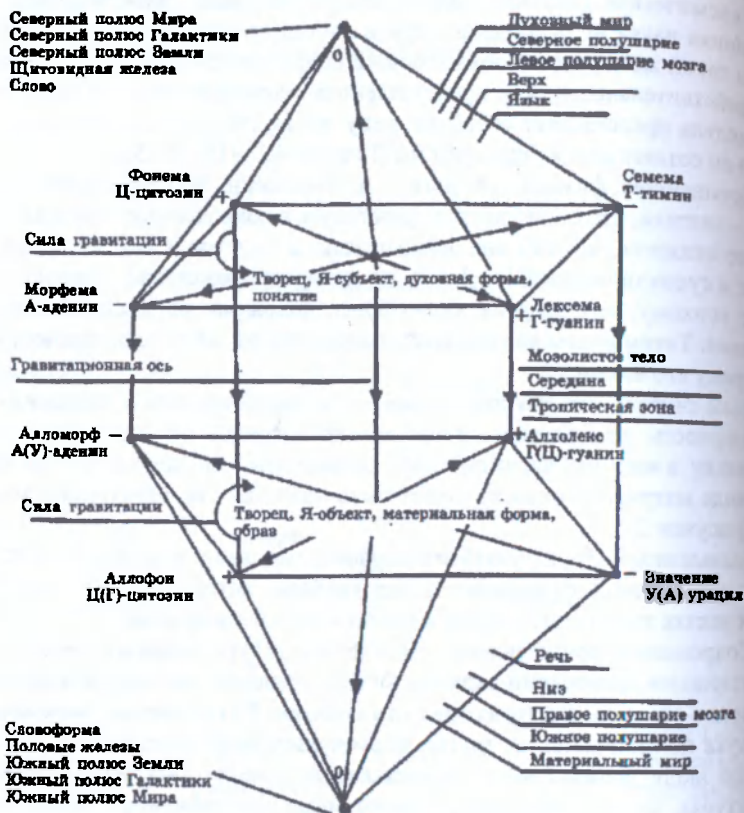

Рисунок 2 – Матрица Абсолюта

Смоделировать структуру сознания Творца можно было, опираясь только на такой, достаточно общий логико-математический аппарат. Сущность и особенности этого аппарата в концентрированном виде ярко выражаются в ответе выдающегося математика XX века С. Банаха на вопрос, кто может называть себя математиком: «Математик – это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями; лучший математик тот, кто устанавливает аналогии доказательств; более сильный математик тот, кто замечает аналогии теорий; но можно представить себе и такого, кто между ана-

логичности видит аналогии» [Еровенко, 2006: 5]. При создании общих теорий исследователю придется проходить все отмеченные С. Банахом логические этапы мысли. Любоим масштабный объект исследования, вовлеченность в общую парадигму множества других объектов будут вынуждать исследователя, не владеющего аппаратом «количественной» и «качественной» математики, пользоваться подобным общим логико-математическим аппаратом.

Следует еще раз подчеркнуть тесную связь полученной матрицы Абсолюта не только с достижениями современной науки, но и с историей культуры. Матрица концентрирует в себе множество различных древнейших символов. Отметим только один из них – пирамиду Хеопса.

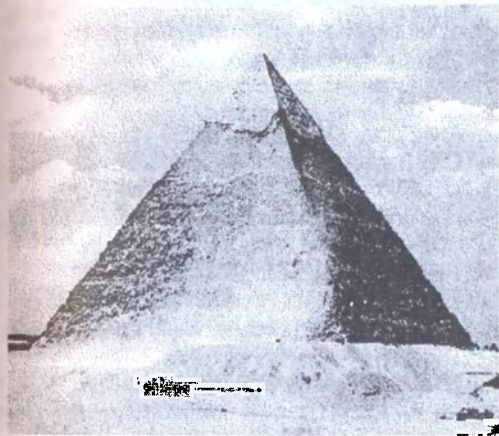

Рисунок 3 – Пирамида Хеопса

Существуют гипотезы, будто пирамида Хеопса является подлинной каменной библией, воплощением науки древних египтян, будто ее размеры и их соотношение содержат основные формулы Вселенной. По мнению некоторых исследователей пирамид, пирамида была не только эталоном измерений и геометрическим и математическим отображением науки первобытной культуры, но она также передавала систему хронологических пророчеств, тесно связанных, с одной стороны, с Новым и Старым Заветом, а с другой – с «Книгой мертвых» [Лауэр, 1966].

Перспектива коммерциализации полученных результатов будет связана с экспериментальной проверкой теории физико-математическими, естественно-научными и техническими методами. Это может быть реализовано в проекте «Матрица Абсолюта».

В ходе реализации проекта предполагается решать следующие задачи, которые могут быть уточнены при планировании проекта: 1) дешифровка

кода матрицы Абсолюта и кода доступа в нее; 2) поиск механизма доступа в иные матричные сети, входящие в матрицу Абсолюта; 3) выявление когнитивных механизмов упаковки информации в матрице; 4) установление матричных соответствий между элементами генетического кода и элементами имени Абсолюта; 5) изучение воздействия энергии имени Абсолюта на организм человека, другие биологические организмы; 6) разработка технологий такого воздействия; 7) изучение возможностей зеркальных систем в создании благоприятной физической среды для развития живых организмов, включая человека; 8) разработка самих зеркальных систем, материалов и технологий для их создания; 9) заполнение пропусков в структурной организации матрицы Абсолюта; 10) создание общедоступной компьютерной базы данных о матрице Абсолюта; 11) изучение гуманитарных аспектов использования матрицы Абсолюта в практических целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев, А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.
2. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. Философия имени. Икона и иконопочитание // Сочинения : в 2 т. – Т. 2. М. : Искусство; СПб. : Инапресс, 1999. – С. 13–240.
3. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – Вып. I. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 463 с.
4. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М. : Прогресс, 1987. – 368 с.
5. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
6. Шредингер, Э. Пространственно-временная структура Вселенной / Э. Шредингер. – М.: Наука, 1986. – 224 с.
7. Гируцкий, А. А. «Единая теория» и возможности ее практического применения / А. А. Гируцкий // Известия Национальной академии наук Беларуси, серия гуманитарных наук. 2013. – № 3. – С. 17–21.
8. Ерошенко, В. А. Основы высшей математики для филологов / В. А. Ерошенко. Основы высшей математики для филологов : методические замечания и примеры : курс лекций. Минск : БГУ, 2006. – 175 с.
9. Пиотровский, Р. Г. Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская. – М. : Высш. шк., 1977. – 383 с.
10. Лауэр, Ж. Ф. Загадки египетских пирамид. – М. : Наука, 1966. – 224 с.